

РАЗДЕЛ 4 ЗАПАД

Макаров Д.И.

Из заметок о Джойсе

Мне хочется лишь самым сжатым образом обозначить свои рационально формулируемые соображения, возникшие по прочтении русского перевода «Улисса»²²⁰. Многое остается просто за пределами языка.

Трудно быть беспристрастным судьей. И всё же, боюсь, Джойс не входит в число таких авторов, которых берешься рекомендовать как чтение *sine qua pop* всем своим знакомым. Роман его – показ неустроенности, разлада и пороков, омут которых обрушивается на сознание читателя – на первый взгляд не указывает выхода. «Улисс» - роман-показ, роман-диагноз, во многом звучащий как приговор современной урбанистической цивилизации с ее обезличенностью (ср. аналогичные мотивы в лирике Рильке и раннего Маяковского), и одна из характерных черт его спирально-замкнутого мира (по крайней мере, в его непосредственно-визуальной репрезентации) – отсутствие выхода. А выбора? Не складывается ли у нас, прогуливающих по этим страницам, впечатления, что путь Блума фатально детерминирован?²²¹ Лавчонка, редакция, кабак, улицы, еще кабак... Путь парадигматичен, но сколь же мало на нем несущих заряд позитивности моментов! Церковь пародируется, зато весьма детально (см. эпизод 15 «Цирцея») описывается черная месса. А это уже более чем серьезно. Богоборчество (или, по крайней мере, *профанация*, если воспользоваться термином Милана Кундеры)²²² и выступает одной из сквозных тем романа. Он начинается с насмешек Маллигана над Таинством Евхаристии и заканчивается развязно-неудовлетворенным монологом Молли, внутренне оправдывающей собственное распутство или – скажем мягче – неотвратимую тягу к нему. «Оправдание порока» - так мы могли бы назвать этот катехизис нашего времени. Пусть скажут: плоско. Да, трудно не видеть и не восхищаться виртуозностью всех новаций, произведенных Джойсом в технике и стиле письма. Более того, мы согласимся с любым, кто напомним нам, что «Улисс» - одно из центральных событий в культурной истории XX в. и что без знакомства с романом невозможно адекватное понимание и должное по

²²⁰ Джойс Джеймс. Улисс/ Пер. В.А. Хинкиса и С.С. Хоружего. СПб.: Симпозиум, 2000. 832 с. См. комментарий С.С. Хоружего, с. 681 – 830; и др.

²²¹ Вместе с тем, с иной точки зрения его можно понимать и как *безадресность* (один из значимых терминов в поэзии позднего Бродского).

²²² См.: Кундера Милан. Нарушенные заветы. СПб., 2004. (Азбука-классика). С. 14 – 17. Отметим как важно для нашей темы следующее замечание Кундеры: «...религия и юмор несовместимы» (с. 15).

силе и глубине погружение в проблемы современной культурной жизни. Всё это так, конечно. Однако сосредоточимся на главном: ирония, гротеск, бурлеск, абсурд, взятые в кубе – нет, куда там: в 4, 5, 11 степени – неизбежно выходят за пределы себя самоё и обращаются в собственную противоположность. (Ведь и карнавал длился лишь несколько дней, редко больше месяца...) А это весьма серьезно, и «Улисс» всем существом своим утверждает подобный переклест.

Я хочу быть правильно понятым. Я не могу сказать, что роман мне не понравился, да и вообще это не вопрос литературной оценки. Джойс знал, на что идет, совершая вызов... и т.д., и т.п. Мне было интересно путешествовать по этим раскаленным страницам. Мне симпатичен Блум, и, думается, Топоров мог бы его реабилитировать (вслед за Плюшкиным) – особенно по части безобразий, чинимых над *боярином Леополдом* в 15 эпизоде. Но зададимся основополагающим вопросом: что дает роман Джойса для христианского сознания?

(Собственно говоря, под таким заголовком я и собирался записать несколько мыслей на заданную тему. Но ответ, боюсь, будет довольно кратким...). Современного человека часто пугают язвами и миазмами окружающей его жизни. В западной литературе реже протягивают ему руку помощи и утешения: Роллан, Рильке, Хемингуэй, Брехт, Элитис, Сикельянос, Кавафис, Йейтс, Кальвино, Кундера... А ведь всякий диагноз – лишь этап, за которым начинается путь к восхождению. Джойс же, с его инверсией верха и низа, похоже, сбился с пути («Сбились мы... Что делать нам?») и окончательно утратил чувство сакрального.

Остается лишь повторить две мысли (из припоминаемых мною), высказанных выдающимися мыслителями России, дабы прояснить ясное («нести сову в Афины»). Первая. Иван Ильин²²³: вместе с Рабле и Вольтером европейское человечество просмеяло и утратило Бога и все свои духовные ценности²²⁴. Мне представляется, что Джойс – прямой продолжатель линии Рабле – Свифта – Вольтера (трупоед... *ecstasez l'infame!*).

²²³ См.: Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. Т. 1 – 2; его же. Одинокий художник. М., 1993. (История эстетики в памятниках и документах).

²²⁴ Разумеется, кто только после Первой мировой войны (а порой и до нее, как, например, Розанов) не писал об этой ситуации! Ср., к примеру, в подчеркнуто-парадоксалистском романе де Кирико «Геддомерос» (1929): «Приняв во внимание, что наша цивилизация приобретает все более материалистическую и прагматическую ориентацию, - говорил он (главный герой. – Д.М.) своим друзьям, не прекращая ритмично шагать, - отнюдь не парадоксальным представляется такое социальное устройство, при котором человек, живущий только ради удовлетворения духовных потребностей, не будет иметь права претендовать на место под солнцем» (Де Кирико Джорджо. Геддомерос. СПб., 2004. (Азбука-классика). С. 127). Пророчество? А почему бы и нет? Однако емче и точнее всех, похоже, сказал всё-таки поэт: *The cycles of heaven in the twenty centuries// Bring us farther from God and nearer to the dust.* Тварность держится не сама собою – но благодатью Творца, присутствующей в вещах, однако затмеваемой грехом (ситуация пушкинского «Художник-варвар...»). Ср. у Св. Афанасия Великого: «Ибо... следовало, чтобы в людях, по истощании в них понятия о Боге и по уклонении к не-сущему (ибо злое

Вторая. Карен Свасьян о Шпенглере: его мир – мир со смещенным хронотопом, мир восьми переходящих в цивилизации великих культур, чего-то очень разнозначительного, пестрого и любопытного – но это мир, не знающий мистерии Голгофы и Воскресения, мир, не ведающий Христа и не томящийся по Немю²²⁵... А без Него лишь один путь – к древнему язычеству (В. Соловьев). «Им уже не во что нас обращать» (Татьяна Горичева)²²⁶. Спросим себя хотя бы (*eine freilich rhetorische Frage!*), почему из всех церковных мыслителей столько лобезностей расточается Арию и Савеллию, а о св. Фотии говорится в тонах сумеречных?

Сказанного достаточно.

И всё же, если мы читаем этот роман, всматриваемся в него, отыскиваем там собственные черты, значит, у него есть своя магия притяжения, свой требующий распознавания шифр и свой волшебный фонарь, «глас сирены»... Не будем спешить с обвинениями. Джойс – художник, страдающий и мучительно вынашивающий свой роман; он лишь на первую поверку оказывается пародистом и карнавальным шутом-джокером (небезразличным к сексуальности в широком спектре ее проявлений). Самое-то поразительное в другом: в том, что перед нами – реализм. Вот первая фраза, мелькнувшая в сознании: «Дай Бог, чтобы мы такими не стали!» Но кто -- мы: Россия, нация, верующие, художники, интеллектуалы? (Вспомним «трактовку» нации Блумом). Мы – это кто? Этот вопрос во всей остроте его национально-исторического воплощения волновал и Джойса. А ведь «...только в недрах истории произведение может существовать как самостоятельная *ценность*, которую можно распознать и оценить по достоинству»²²⁷. В конце концов, страдая и борясь за свободную Ирландию и показывая все мерзости Ирландии несвободной, Ирландии, притесняемой англичанами, не призывал ли он – хотя бы частично – эти мерзости преодолеть, не указывал ли -- в потоках сознания Блума – в качестве зацепки хоть какие-то иные (семейные, религиозные...)

есть не сущее, а доброе есть сущее, как произошедшее от сущего Бога), истощилось и продолжающееся навсегда бытие. А это и значит – разрешившись, оставаться в смерти и тлении» (Слово о Воплощении Бога-Слова и о пришествии Его к нам во плоти// Творения. М., 1994 (репр.). Т.1. С. 196). Один из частных опытов осознания и осмысления этой ситуации (и притом вряд ли с предполагаемой ссылкой на какое-либо святоотеческое место, хотя, несомненно, с памятью о христианской традиции) и отражен в приведенных строках поэта...

²²⁵ Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу// Шпенглер Освальд. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальт и действительность. М., 1993. С. 5 – 122. См., например, с. 86 и сл., особ. с. 99 – 102.

²²⁶ См.: Горичева Татьяна. Православие в современном мире. СПб., 1996. Ср., кстати, один из поздних (1995 г.) романов Кундера – «Неспешность», хотя и звучащий «легчайшим дивертисментом», по оценке критики, однако весьма точный в описании кризисных явлений и (порой юмористическом) анализе причин, их повлекших. См.: Кундера Милан. Неспешность. Подлинность. СПб., 2004. (Азбука-классика).

²²⁷ Кундера Милан. Нарушенные завешания. С. 23 – 24. Ср.: Михайлов А.В. Диалектика литературной эпохи// Его же. Языки культуры. Учебное пособие по культурологии. М., 1997. С. 18; и др. Вспоминается пастернаковское: «И здесь кончается искусство - /И дышат почва и судьба».

сверхценности? Столь ли уж безнадежен, по мысли автора, весь демонстрируемый им хаос жизни? Взять хотя бы пресловутую мессианскую идею: Ирландия – Израиль. Значит, уже есть нечто высшее («превышеестественное»), что взирает на нас и – не исключено – готово нам помочь...

Типологически («духовно-типологически») роман Джойса вписывается в общеевропейскую ситуацию переходной эпохи от Нового к Новейшему времени: утратив веру отцов – католичество – и не обратившись к Православию, отойдя вовсе от христианства (ср. аналогичные колебания и терзания Кафки в отношении иудаизма), герой теряет свою истинную суть и подспудно разлагается внутренне (здесь речь идет о Стивене и Маллигане). Пьянство, комплексы, болячки, бурный вихрь проносящихся мимо великосветских развлечений и сомнительных побед – одним словом, всё то, что св. Ефрем Сирин называл «расслабленностью настоящего века»...

Роман читается и как предостережение нам, сегодняшним (а почему бы и нет?). И тогда – при более пристальном взгляде на его особенности – перед нами раскрывается веер путей. Всё лучшее в жизни и сознании Блума обязано своим существованием вере в сверхличные ценности и самому наличию в бытии этих ценностей (которое, однако, подвергается в романе ехидному, чтобы не сказать – саркастическому авторскому сомнению и осмеянию): той же вере в жену, томлению и – пусть гротескно, как в кривое зеркало показываемой и проявляемой – любви к ней. И это, может статься, следующий уровень прочтения романа (если не вдаваться в психоаналитические подробности). В центре произведения – парадигматические понятия-образы: действия, зеркала и пути, свободы и необходимости, Бога и дьявола... Автор утверждает (со-?)существование различных путей онтологической динамики личности, общества и истории – при размытых рамках ценностной вертикали и гротескно затрудненной и отстраненной дифференциации между ними.

Как это обычно случается, автор в столь масштабном – «титаническом» - произведении высказал больше, чем выговорено словами... То же обстоятельство, что он пытается («силится») убежать от Бога, как Адам после плода, предстает перед нами, читающими, не только в ранге его личной проблемы, но и как проблема человека и человечества вообще: перед нами – парадигма истории и биографии, онтогенеза и филогенеза, духовных и плотских исканий и становления глубинной сути человека... А ведь *грехопадение* переживает внутренне и многократно каждый из нас – на личной, сексуальной, духовной, творческой, профессиональной, психологической,

этнической... почве²²⁸. И важно, пережив грехопадение, не заикливаться на нем и не копать в грязном белье (как это проделывает Джойс на первом уровне архитектоники романного целого), с удовлетворением рассматривая свои гејестаментa, но жить, стремиться ко Всевышнему, идти («Чья жизнь в стремлениях прошла, // Того спасти мы можем»). Раз так, раз эта «гипотеза» (в которой, напомним, не нуждался Лаплас) хотя бы в потенциальном виде не отвергается автором романа, будем ему благодарны за многолетние муки творчества, музыки и жизни.

*** **

Джойс и Евангелие: первый невысказан (да и невозможен) без второго. Этот частный вариант ответа на вечный вопрос: «Почему существует Нечто, а не ничто?» - вытекает из тех положений, которые мучительно-остро пережиты, прочувствованы и осмыслены современной культурой – как писателями, так и поэтами, ср.: «Те, кто Тебя отвергает, Тебя отвергать не смогли бы, когда б Тебя не было» (Элиот)²²⁹; «...при попытке стереть из памяти всё связанное с христианством вдруг стало до боли ясно, что все мы, верующие и безбожники, богохульники и святоши, принадлежим к той же культуре, уходящей корнями в христианское прошлое, без которой мы были бы лишь бесплотными тенями, резонерами, растерявшими свой словарный запас, апатридами духа» (Кундера)²³⁰. Осмысление романов, подобных джойсовскому, в одной из точек бифуркации культуры, ее разделения/разрыва на множество не пересекающихся субкультур, может содействовать усилению размышлений интеллектуалов и верующей части общества вокруг национальной идеи и связанного с ней набора символов и понятий: ведь если чему-то и противится сердце в приведенной цитате из Кундера, так это именно именованию христианских мотивов «прошлым». В конечном счете в судьбе Джойса, может быть, не в первый уже раз фокусируется ситуация Фауста и его собеседника, произносящего пророческое: «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо...»

Поэзии в романе мало. Это не означает, что в нем нет и правды. Как раз наоборот. Именно правды – вопиющей правды будней, духовной опустошенности и обезвоженности, выжженности наших дней – в нем так много, что хочется, чтобы и не было всей этой правды, сердце силится забыть

²²⁸ Ср.: «...вследствие обольщений, происходящих от удовольствий, ум часто приходит к тому, чего он не хочет. И так то, что является в Адаме, как случившееся осозательно и чувственно, можно видеть в каждом из нас совершающимся мысленно и сокровенно...» (Св. Кирилл Александрийский. О поклонении и служении в Духе и Истине. Кн. 1// Творения. М., 2000. Т.1. С. 134).

²²⁹ Элиот Томас Стирнс. Убийство в соборе. Часть вторая// Его же. Домашний прием. Убийство в соборе. СПб., 1999. (Азбука-классика). С. 245.

²³⁰ Кундера Милан. Нарушенные заветания. С. 16.

весь этот непрекращающийся кошмар и бред эпохи, сорвавшейся с тормозов (out of joint)... и устремиться «в горня, в горня, к свету».

Примечание. В этом контексте представляется уместным и оправданным привести суждение видного современного культуролога, также посвященное ситуации наших дней: «Важнейший урок, который вынесло человечество из трагедии Второй мировой войны, - необходимость возврата к религии»²³¹. И как символично выглядит в развертываемой здесь перспективе дата кончины ирландского Гения (1941)²³²...

Если для православных мирян роман (или хотя бы частичное знакомство с ним) послужит дополнительным поводом к молитве, то цель (его? наша? – последнее вероятнее...) будет достигнута. Монахам же, подступающим к светлым высотам богомыслия, читать его бессмысленно. Все мыслимые и немыслимые искушения со стороны врага рода человеческого они познают на собственном духовном опыте.

Для ученых в области сравнительной поэтики, а также общей культурологии и литературоведения роман доставляет неопценимый материал по части их профессиональной деятельности.

Раз так – «Улисс» будет жить. Трагичнее может оказаться судьба его, похоже, так и не обратившегося и к концу жизни окончательно утратившего перспективу автора.

Безусловно, что перед нами – один из предтеч структурализма, полифонизма, бриколажа, полистилистики, монтажа и прочих системообразующих факторов и явлений современной культуры. Но, думается, не всегда жизнь в культуре эквивалентна *жизни вечной* (в сугубо христианском наполнении этого термина). Ничего удивительного – еще в Византии спорили с исихастами гуманисты, высказывающие такую, к примеру, мысль: «Нет ничего на свете, что я предпочел бы литературной славе» (Никифор Хумн).

Вот этой черты, променяв высшее на низшее – послушание и духовный подвиг на неограниченность и неприкаянность (как всё же можно догадываться) своей греховной воли – Джойс так и не пожелал переступить.

И потому его трагедия, во всей надрывности и остроте запечатлевшаяся на страницах романа – трагедия богооставленности и отверженности – для многих остается наиболее поучительным содержанием его недолгой жизни.

²³¹ Холопова Валентина. Композитор Альфред Шнитке. Челябинск, 2003. (Биографические ландшафты). С. 35.

²³² Кстати, заметим напоследок, что в качестве возражения на ставший знаменитым во второй половине XX столетия вопрос: «Как возможно богословие после Освенцима?» - можно привести сколько угодно контрвопросов, например: «Как возможны политика, искусство и наука после Беслана?» Жизнь трагичнее любой вымышленной трагедии, и в открытии и осознании этого факта целой плеядой художников, включая и Джойса, также заключается одно из наиболее поразительных художественно-философских, эстетических и бытийственных, онтологических открытий и прозрений XX века...